Маньчжурские впечатления

В Москву из двухмесячной поездки по Северному Китаю и Маньчжурии вернулась группа солистов балета Большого театра Союза ССР во главе с заслуженной артисткой РСФСР С. Мессерер. Артисты дали 55 концертов для частей Красной Армии и китайского населения. Ниже мы печатаем впечатления С. Мессерер о гастрольной поездке советских артистов по городам Китая и Маньчжурии.

★ ★ ★

3 часа полета — и из Хабаровска мы прилетели в столицу Маньчжурии г. Чанчунь. Группу артистов на аэродроме сразу окружила толпа китайцев. Раздались возгласы: «Русаки — хорошо!», «Русаки — шан-го!» Нам дружески жали руки, проводили до автомобилей.

Город имеет вполне европейский вид, особенно его большие центральные улицы. Многие дома увешаны советскими и китайскими национальными флагами. При японцах в Чанчуне (как и во всех городах Маньчжурии) был установлен строгий «самурайский» порядок: город был разделен на две части — японскую и китайскую. Там, где пролетают озелененные, залитые асфальтом улицы, жили хозяева-японцы, а в узких, грязных улицах и переулках — рабы-китайцы. С каждой радостью переселяются сейчас китайцы в бывшие японские кварталы города.

Мы дали концерт для китайской интеллигенции Чанчуна. За кулисами толпятся китайцы, они выражают свое восхищение искусством Советской России. Танцуют под необычный для нас «аккомпанемент» — зрители во время исполнения аплодируют. После концерта мэр города благодарит нас и преподносит цветы.

★ ★ ★

Глубокое, словами не передаваемое волнение испытали мы через несколько

дней в Харбине, на концерте, в первом отделении которого выступала наша бригада, а во втором — китайский театр.

В зале — представители советского командования и китайская интеллигенция. Мы танцуем самые разнообразные номера: балетную классику, сцены из советских балетов и народные танцы: русский, украинский, грузинский.

Кончилось первое отделение, разгромываемся, входим в зал. К нам подходят советские офицеры, они взволнованы.

— Смотря на ваши танцы, мы как бы видели родину! — говорят они.

Начинается второе отделение. На сцене — китайский театр. Бьет барабан, звучит гонг, поет однострунный, напоминающий скрипку, инструмент. Медленно выносят на сцену необходимый реквизит. Появляются актеры. Они в необычайно ярких, красивых костюмах. У исполнительниц женских ролей (среди них немало мужчин) — лиловое лицо и белый нос. У исполнителей мужских ролей (среди них есть и женщины) — бороды, наклеенные выше верхней губы. Жесты актеров условны. Если по ходу представления нужно уйти, он делает несколько шагов в глубину сцены, поворачивается спиной к зрителям и стоит неподвижно. Это значит, что он ушел. Когда актер поднимает ногу и отводит носок в сто-

рону — это означает, что он «сел верхом на лошадь».

Большое впечатление произвела на нас юная тринадцатилетняя актриса. Она одна сыграла сказку, содержание которой заключалось в следующем: молодой рыбак поймал вместо рыбы черепаху. Она унесла рыбака на дно моря и там подарила шкатулку, которая принесет ему счастье. Только он не должен открывать шкатулку раньше определенного срока. Но любопытство взяло верх: юноша раньше времени открыл шкатулку и в то же мгновение превратился в старика.

Всю эту сказку талантливая девочка протанцовала. Каждое движение ее было пластично и своеобразно, а лицо оставалось неподвижным. Момент, когда юноша превращается в старика, она передала так: надела искусно сделанную маску сморщенного, с пласивым выражением лица старца и великолепно изобразила его дрожащую походку и трясущиеся руки.

Сейчас в Харбине очень много бывших «бесплатных рабочих». Это — китайцы, худые, оборванные, в дырявых соломенных шляпах; они в течение шести месяцев в году бесплатно работали на рисовых полях японских помещиков. Как благодарны они теперь Советскому Союзу, принесшему им свободу!

★ ★ ★

Мы на базаре в Мукдене.

На длинном разукрашенном бараче видим аляповатые афиши. Китаец гонгом зовет войти в барак. Это — народный китайский театр. Представление уже шло. В темноте чувствуем под ногами какой-то хруст. Оказывается, все зрители шелкают китайские орешки и тут же бросают шелуху на пол, так что мы шли как бы по ореховому «ковру». С трудом нашли свободные места. Мимо меня из первого ряда пролетело мокрое полотенец. Это — полотенец общего пользования: один зритель вытрется (в театре жарко!) — бросает другому. На балконе

кто-то из зрителей пьет чай, мать кормит грудного ребенка. Так сидят в театре часов семь.

Начался дивертисмент. Выступали ловкие жонглеры, их сменила певица с естественно раскрашенным лицом, за ней появились фехтовальщики на палках. Они очень ловко орудовали своими «шпагами» под шумные крики «болельщиков».

Побывали мы в Мукдене и в японском театре. Японцы всячески стремятся подражать «крикам европейской моды», но очень неудачно. Японский театр в Мукдене построен в европейском стиле. Нам показали японский джаз. Джаз был очень плохой. Как раз основные джазовые инструменты — саксофон, аккордеон и другие — играли особенно неудачно. Выступала певица со слабым голосом, плохо певшая негритянские песни. Эта же певица танцевала канкан, поводя плечами и бедрами. Затем на сцене появились японские «герлы» — в кино, с пышными прическами. Вид у них очень картинный, но танца почти никакого нет — всего несколько переходов. Зато нас очень позабавил фокусник. Он глотает, не переставая говорить с публикой, одну за другой семь бритв и через некоторое время вынимает их изо рта сложенными вместе. Он глотает отдельно часы и цепочку и, спустя несколько секунд, вынимает обратно часы, соединенные с цепочкой. Продолжая разговаривать, он глотает пять живых рыбок, и вот они снова у него в руке, все еще живые.

Мы вышли на улицу. По базару бежит уже немолодой рикша, впряженный в кабриолет с большими колесами.

Наши красноармейцы, возмущенные использованием человека вместо лошади, не могут спокойно видеть рикшей. Рассказывают, что один красноармеец предложил как-то пассажиру-японцу стать на место рикши, а последнего посадил на место японца в коляску.

В центре города рикши теперь появляются редко.

Дайрен (Дальний) — чудесный приморский город. Прямые, чистые, асфальтированные улицы. По ним с грохотом проносятся переполненные трамваи с автомобильными рожками. А рядом с трамваями — рикши и коляски с запряженными в них мулами. В этом городе японцы много лет чувствовали себя хозяевами. Сейчас они заискивают перед русскими. Мы видели ластынные надписи на японских закусовых: «Для русских солдат чай бесплатно. Добро пожаловать!».

Перед нами японский храм Чин-Джо. Подобострастно вежливый жрец-японец, сгибая спину, ведет нас осматривать храм, обещая показать религиозные танцы. Посередине большого зала — низкая эстрада. Мы, как в театре. Жрец вежливо предлагает нам кресла. Входят пять музыкантов и садятся на корточки за эстрады — флейта, барабан, трещотка, маленький барабан и еще какой-то незнакомый инструмент. Жрец — танцовщик в маске и в блестящем золотом костюме — ритмично исполняет танец «Рио-от». Затем четыре мальчика, а после них три девочки — все в ярких костюмах — исполнили танцы с очень торжественными движениями.

★ ★ ★

7 ноября из окна Ямато-отеля, находящегося на центральной площади порта Дайрен, мы смотрели на демонстрацию китайского населения в честь 28-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. От площади веером расходились улицы. Мы видели, как китайцы восторженно приветствовали проходивших советских воинов. Высоко подняв руки над головой, китайцы били в ладоши и громко кричали: «Спасибо совет солдату!», «Хорошо, хорошо!», «Хорошо!», «Наша ваша ждала!». Со всех улиц к центру, к празднично убранной трибуне устремились колонны демонстрантов. И казалось, плывут со всех сторон разноцветные реки — в таких ярких костюмах были китайцы! На лицах некоторых

были надеты цветные, причудливо расписанные маски. Многие шагали на высоких ходулях. Плавно покачивались изображения огромных драконов. Особо симпатично выглядели дети: все с чолочками, обрамляющими их загорелые лица. Подойдя к трибуне, демонстранты кланялись три раза и кричали «ура!».

★ ★ ★

Из Дайрена по прекрасному шоссе-аллее один час езды до Порт-Артура. Мы в двенадцати тысячах километров от Москвы, в Порт-Артуре, в городе-герое, знакомом и дорогим с детства.

Вот мы на Перепелиной горе, у обелиска, построенного японцами. На самом вершине обелиска, над голубыми водами и зелеными взгорьями, развевается красное знамя. А внизу надпись: «Воздружили знамя танкисты Харченко, Бацук, Евдокимов». Тихо, тепло. Рейд, где стояла русская эскадра в памятную ночь 8 февраля 1904 года. Стоим молча, сняв головные уборы. Спустившись, мы поехали на Электрический утес, где сохранилась русская батарея. Вот русское кладбище. Памятник с надписью: «Здесь покоятся бранные останки доблестных русских воинов, павших при защите крепости Порт-Артура».

Вечером Порт-Артур неизбежно красив. Город празднично иллюминирован. По улицам шагали красноармейцы и пели родные песни. А на рейде стояли советские корабли, и в спокойном море, как в зеркале, отражались разноцветные огни.

★ ★ ★

Мы дали в городах Маньчжурии 55 концертов.

Советские воины называли наши выступления «подарком Родины», китайцы говорили, что наши концерты являются еще одним доказательством дружеского отношения к ним страны, освободившей их от японской тираннии.

Какое большое счастье быть артистом нашей великой страны!
(«СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО»).

Красное Знамя-Властивостск

15 ЯНВ.46.